

Леонид
ФИЛАТОВ:
Я с детства
не торопился
в бессмертие

Как записано наверху

Вет. Москва - 2000 - Зал. - 0,3

Успешный актер и литератор, он сам считает себя невероятно скучным человеком. Но разве можно забыть, например, его искрометного «Федота-стрельца»? А пародии на известных артистов и режиссеров, которые мы с упоением читали в распечатках еще в советские годы? Сегодня Филатов не работает в театре, в кино не снимается. Живет в санатории «Барвиха». Много пишет.

Лада ЕРМОЛИНСКАЯ

— Леонид Алексеевич, ваши пародии расходились «на ура» еще в самиздате. Вы тогда считали себя писателем андеграунда?

— Просто было такое время. Всем казалось, что такие сочинения — это «свежее слово», которое завтра же запретят. Время определяет многое. В студенческие годы мне дали почитать «Доктора Живаго». И когда я закончил чтение, был дико разочарован. Мне показалось, что это плохой роман. Вокруг него было так много мифотворчества, восхлительной туфты... Хотелось поражаться, но не получалось. Я тогда еще не понимал, что Пастернака нельзя читать по принципу «о чем это». Позднее понял, что в действительности это те же самые стихи, только нерифмованные. Но откровения не случилось.

— Вы помните свое первое стихотворение?

— Что вы, это была такая муть! Ни один нормальный человек не запоминает свои первые стихи. И потом, я уже довольно долго живу, кое-что и

забываю. Кроме того, я с детства не так уж рьяно собирался в бессмертие и все, что можно было выкинуть, выкидывал. Я и сейчас выкидываю и думаю, что это правильно. Многие полагают, что чем больше оставят после себя, тем быстрее станут знаменитыми. Чепуха!

— Что вы теперь пишете?

— Это единственное, чем я занимаюсь. — делаю стихотворные версии старых сюжетов в виде пьес или комедий. Недавно вышла книжка, которая называется «Театр Леонида Филатова». Причем последние две пьесы, которые я написал по Аристофану, — очень нескромные, если не сказать похабные. Не в смысле порнографические или плохие, а просто непристойные. Но иначе нельзя, во времена Аристофана все было бесстыжими.

— Не приходило в голову написать продолжение «Федота-стрельца»?

— Мне без конца присылают какие-то поэмы с посвящением, написанные в том же размере. Но размер-то не мой и никакого отношения ко мне не имеет. Это канонические русские частушки. А продол-

жение, мне кажется, ни к чему. Что есть, то есть.

— Вы относитесь к тем, кто создает себе кумира?

— Наверное, да, грешен. Но я никогда не понимал, почему этого нельзя делать! Очень многих почитал, во всяком случае, в литературе. Мои кумиры, как у всего моего поколения: Вознесенский, Евтушенко, Ахмадулина...

— Вы легко сходитесь с людьми?

— В общем, да. Но с годами все труднее выносить тех, кто адекватен тебе менее чем на восемьдесят процентов. Вполне хватает старых друзей. Мое окружение всегда было таким плотным и разнообразным, что даже после болезни не случилось ни одного разочарования. Нет человека, который бы в этой ситуации повел себя не так, как я от него ожидал.

— Не приходилось жалеть о том, что вы выбрали именно такой путь?

— Говорить так — значит кокетничать. Жалуют о том, что приносит горе, беду. Мне грех жаловаться — судьба шла вперед моторно и быстро. У меня ни разу не было момента, когда я мог бы себе сказать: «Дурак, зачем ты это сделал?!» Да и некогда было размышлять на подобные темы — сначала институт, потом театр. Правда, кино пришло ко мне довольно поздно — после тридцати. Но я даже по этому поводу не переживал: полно артистов, которые не снимаются в кино!

— Есть роль, которую вам

очень хотелось сыграть, но не удалось?

— Сирано де Бержерак. У меня несколько раз случались обломы. С одним режиссером мы поссорились. Позже другой мой приятель начал делать сценарий для телевидения — лопнул сам проект, по счастью, лишивший меня конфуза. Через некоторое время фильм про Сирано все-таки появился, но с другим артистом. Я так долго пестовал эту идею, что очередной сценарий показался мне совершенно неинтересным. Раньше я даже мысли не мог допустить, что откажусь от этой роли, но, видимо, перегорел.

— У вас случались романы во время съемок?

— Так же, как у любого человека. Принято считать, что артисты очень ветреные, что они, например, пьют больше, чем все нормальные люди. А на самом деле столько же! Просто артист всегда на виду, ему некуда скрыться. Какой-нибудь инженер накался у себя дома, и никто об этом не знает.

— Вы часто анализируете свою жизнь?

— Много приходится пересматривать. В жизни ведь на каждом шагу — предательство незыблемых принципов. Абсолютной правоты не бывает, а это значит, что вести себя надо аккуратней. Вот конфликтовал с человеком. И сейчас, рассматривая ситуацию через призму добра и зла, я понимаю, что был прав. А человек взял и умер! Его нет, и вся моя правда не имеет никакого значения. Вот поди ж теперь угадай, как там было в действительности! А надо было умеренней. Так же, но спокойнее. Глядишь, человек был бы жив. Умер он, наверное, не по моей вине, но вдруг я был той самой соломинкой, под которой упал верблюд?

— Не приходилось задумываться о том, как могла бы сложиться жизнь, если бы, скажем, в этом месте вы шагнули не направо, а налево?

— Эта теория исключает компонент по имени Бог, а я его исключить не могу. Господь, конечно, допускает импровизации, но не слишком много. Я верующий человек, христианин, и знаю, что все идет именно так, как записано наверху.

— Правду говорят, что мы начинаем смотреть на небо, только когда нам становится плохо?

— Правду. Я, допустим, был верующим и до болезни, но только потому, что так сложилось. Попы все время обижались: «Когда вам становится плохо, вы вспоминаете о Боге!» А как иначе? Это же так естественно! Бог приходит в тот момент, когда человеку больше не на кого опереться, и с этой поры не уходит уже никогда. Я допускаю, что есть люди, которые приходят к нему не через беду, а каким-то другим образом. Например, через воспитание. Но этот путь, мне кажется, более лукавый — он чреват маловерием. Такая вера часто бывает прикладной, декоративной.

— Вы не задумывались, за что вам такая непростая судьба?

— Конечно, задумывался. В наказание или в качестве испытания, но, безусловно, не просто так.